[ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ]

Андрей РОМАНОВ

(1945–2014)

2 января 2020 года исполнилось 75 лет со дня рождения Андрея Владимировича Романова – советского и российского – «космического поэта Ленинграда». Он был инициатором учреждения литературной премии им. Б. П. Корнилова. В 2007 году возглавил специальный выпуск альманаха «День поэзии: Санкт-Петербург – Россия, 2007». За это особо низко кланяется ему редсовет альманаха «День поэзии – XXI век».

Алексей ФИЛИМОНОВ

СВОБОДА И ВЕРНОСТЬ В ПОЭЗИИ АНДРЕЯ РОМАНОВА

...Для тех, кто его любил, Андрей Романов – такая же реальность, как звёзды у нас над головой (тоже, кстати говоря, не вечные, а смертные). Он никуда не исчез, он тут.
Юрий Колкер, Англия

Андрей Романов (1945–2014) – петербургский поэт, литературовед, переводчик, наставник молодых литераторов, основатель премии имени Бориса Корнилова. Уже после его смерти вышли в свет его книги лирики «Свет сотворения мира. Избранные стихотворения и поэмы», «Ухожу с трагической тусовки. Стихотворения и статьи», «...А я к тебе приеду в Суйду», «Городская элегия», «Я городом полон...» и «Шаги над пропастью. Литературоведение, критика, публицистика». Эти издания дают объёмное представление о «прекрасном и яростном мире» (А. Платонов) талантливого писателя, сочетавшего в своём даре лирическую нежность и страстное отношение к творчеству классиков и современников. В человеке и поэте Андрее Романове было что-то от Некрасова и Маяковского с их стремлением перекроить мир во имя всегда унижаемого «маленького человека», воздать должное незаметным героям. По сути, это позиция героическая, не требующая от автора вставать на трон. Каждодневный созидающий труд – вот в чём была основа существования Андрея Романова, издававшего журналы, альманахи, газету «Парадный подъезд», куда

он щедро приглашал печататься одарённых людей со всего мира. «Не твоё ли имя на граните, Позабыть не в силах тишина?» – писал поэт, такова его героика буден. В ответ «прозаседавшимся» литераторам, как метко заметил Маяковский. Не случайно А. Романов был отлучён собранием «единоверцев» от Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, якобы за низкую активность в работе секции поэзии, хотя дело обстояло наоборот: разрушение коллегой бюрократических рамок поколебало устои правления. Но всё это в прошлом. Сегодня перед нами предстаёт уникальная творческая индивидуальность, поэзия которого нашла отклик у людей разных школ и вкусов, отмечая своеобразный романовский «космизм» и выразительность языковых средств. В статье «Размышления у трамвайного космодрома или попытка определения русской поэзии XXI века» молодой петербургский поэт Кирилл Козлов пишет: «…Романов блистательно объединяет классическую поэзию с современной… Подавляющее большинство стихов Романова адресовано женщине. И здесь Романов абсолютно прав – он понимает, что в современной жизни, когда профессиональными ТВ-провокаторами постоянно культивируется страх и ненависть, нужно уметь любить. Любить женщину. Любить жизнь. Любить поэзию. Любить и этим спасаться». Как видим, поэт нового поколения говорит о том, что Романов призывает наследовать сами основы жизни, без чего невозможно её продолжение.

Известный критик Рэм Трофимов, исследуя поэтический пейзаж на фоне эпохи в эссе, «Глагол времён… Полемические и панегирические заметки о сегодняшней русской поэзии» говорит о том, что при обращении к злободневным темам, как, например, в стихотворении «Встреча с рэкетиром Буратино», Андрей Романов поднимается над публицистичной заострённостью карнавальных образов и выходит на уровень русской классики. Мы, читатели, «не встречаем – ни разу! – бесцельного пересмешничества, которое пышным цветом расцвело на заре «катастройки» и сразу же обрыдло, как только обнаружило свою сверхзадачу: назойливым его повторением вытравлять из сознания читательской массы положительное отношение к национальным, народным ценностям.

И за это поэту – читательское спасибо».

Андрей Романов – поэт поколения Победы. Это был особенный год, когда безграничное счастье смешивалось с горем, которому не было утешения. Послевоенный Ленинград свидетельствовал о пережитом. Мальчишки играли в войну, лиговская шпана была её зловещим отголоском. Юный поэт отличался острой наблюдательностью, как его одноклассники, потом ставшие известными художниками, он посещал кружок живописи. Это не могло потом не отразиться в особенном умении выхватывать из жизни детали и мастерски пересаживать их в стихи. В сборнике «Свет сотворения мира» представлен творческий путь поэта, на мой взгляд, состоящий из трёх этапов. Первый включает в себя поиски своей темы и интонации в 60-70-е годы прошлого века. Второй отразился в перестроечных и «лихих» 80-90-х, знаменуемый поиском новых выразительных средств и обретением новых горизонтов в те времена, когда поэзия, как и вся литература, лишилась прежней поддержки. И третий – стихами нового тысячелетия, когда к прежней зоркости поэтического ока и чуткости слуха добавилась философская мудрость и отточенность строки. Андрей Романов – разный, но всегда у него преобладает трёхстопный размер, похожий на старт в неизведанное трёхступенчатой ракеты, будь это нераскрытое в человеческом сердце или почти в запредельном космосе, который мы вместе с ним осваиваем, вчитываясь в строки любви и приближения к истине.

Блокадный трамвай в его творчестве напоминал «Заблудившийся трамвай Николая Гумилёва», уносившего сквозь время по странам и континентам. Железный дракон поэта становился современным транспортом, который заезжал на новый Балканский проспект и устремлялся в неведомое, за «Молодильными яблоками» из поэмы Андрея Романова. После школы поэт окончил ЛИИЖТ, работал на стройках и железнодорожном транспорте. Поэзия стала неотъемлемой частью жизни, где образ послевоенного трамвая всегда был ключевым, как в стихотворении «Из командировки»:

Коронарные боли отлягут,
Резко снизится РОЭ в крови,
И, сменив современную тягу,
Запряжётся в состав паровик.
Он совсем не торопится, чтобы
Дождь касался обветренных скул;
И уже не экспресс, а почтовый,
Задыхаясь, прибудет в Москву.
.....
Вот начало отсчёта — минута:
Те же звёзды, что врезались в май,
И давно отменённым маршрутом
Прозвенит довоенный трамвай,
А над крышами микрорайона,
Где никто о тебе не скорбит,
На какую-то долю микрона
Передвинулись звёзды с орбит.

Поэзия Андрея Романова не поддаётся рациональному объяснению, в ней есть тайна, притягательность которой с годами всё усиливается, она приумножена воспоминаниями о поэте. Он всегда находил ободряющие слова и объединял литераторов, которые без него в жизни вряд ли бы пересеклись и завязали творческие отношения. Одним из таких мест встречи была его дача, дом в Суйде, в пушкинских местах, где хозяин и гостеприимная супруга поэта Валентина Александровна встречали литераторов московских, петербургских и гостей из других мест. Помню, состоялось выступление в региональной библиотеке, которую совместными усилиями удалось спасти от закрытия. Стихи читали вдохновенно Андрей Романов, Андрей Шацков, Валерий Дударев, Констанин Паскаль, Кирилл Козлов, выступал знаменитый критик Лев Аннинский. Почему-то запомнилась дата с мистическим сочетанием цифр – 7.07.2007 года. И таких встреч с читателями лучших литераторов России, проведённых по инициативе Андрея Романова, было немало. Увы, многих участников уже нет с нами. Поэт Геннадий Морозов, ныне живущий в Касимове, свидетельствовал: «Действительно Андрей работал каторжно, поэтому такие нагрузки-перегрузки износили его сердце и весь организм. Но он не бросал, а служил литературе до последнего».

Природа служила поэту опорой, вечный круг утраты и возрождения напоминал поэту о грядущем осуществлении чаяний. Так аромат молодильных яблок воскрешал к жизни вослед животворящим образам природы:

Скрипит журавль –
Колодезная птица,
Не в силах улететь за ближний лес.
А ветерок ему тревожит мысли:
– Давай на танцы пригласим луну.
И звякнуло ведро на коромысле,
И капелька сорвалась в глубину
Навстречу не растаявшему снегу,
Что скрыт от света солнечных берёз.

В эссе «Любовь познавший» поэт Владимир Хохлев пишет о том, что для личности и творчества ещё нет определённых рамок и понятий, и, слава Богу, поэт всем существом завещал нам безграничное пространство свободы самовыражения, построенное на любви и верности традиции русской словесности. Владимир Хохлев цитирует стихотворение «Я назвал бы все-

ленную именем долгим твоим» и говорил о том, что земная любовь преобразилась в любовь вечную: И долго ещё – до конца – познанная им и сбережённая в бою, Любовь будет открываться и светить людям». Заключительная строфа стихотворения гласит:

Наша юность ушла, простудившись на встречном ветру.
Образумилась Лиговка, Мойка не знает сомнений.
И на встречном ветру, в предстоящем бреду наводнений,
Ты мне шепчешь сквозь вьюгу, что я никогда не умру.

Ещё он не умел быть равнодушным: талантливые строки – уже маститого или совсем юного литератора, не имеющего публикаций, – вызывали у него искренний восторг. Он стремился вернуть самооценку писателям, растоптанным в бездушных редакциях или несправедливо обруганным на секциях и литобъединениях. Поскольку знал прекрасно, что зависть стремится уничтожить не только Моцарта, но и любое независимое и яркое дарование. Он всю жизнь хранил благодарность к воспитавшим его, тепло отзывался о Леониде Хаустове и не раз печатал его советы молодым поэтам. В Андрее Романове не было назидания. Он откликался на самые смелые изыскания в теории литературы, прекрасно разбирался в сложных построениях, приветствовал новые направления и школы. Это был его выбор, или, как писал сам поэт в стихотворении «Расстанная Голгофа», выбор был предопределён заранее – при его личном участии и полной осознанности в городе блоковской вьюги и «Незнакомки»:

В страшном городе трёх революций,
Где остался наш ветреный след,
Наши мамы сквозь слёзы смеются,
Понимая, что выбора нет.

Поэт мужественно писал о последней весне, в предвосхищении возвращения на планету, где цвет черёмухи успокаивает сердце, вместившее слишком многое для одного человека, сердце, через которого прошли все драмы эпохи, и нашли своё отражение в светлых стихах, приглашающих жить, творить и любить, дарящих новые силы:

Прощай весны нежданная утрата:
На Лиговку пробрался майский снег.
И в этом не гадалка виновата,
А со двора обрушившийся смех,
……..
Но снег, отведав, что же есть блокада,
Победно тает, вечность распознав,
Где вдоль кинотеатра «Баррикада»,
Летит в зенит подорванный состав.

Смерть Андрея Романова стала неожиданностью для очень многих. В ней была какая-то роковая ошибка, трагическая несправедливость. В квартире на Рижском проспекте он словно по-прежнему готов распахнуть двери перед долгожданными посетителями, зашедшими за своими публикациями в многочисленных сборниках, или просто так – чтобы ощутить дыхание Поэзии, внезапно аромат от строк, почувствовать счастливую вневременность среди спешки.

Меня поразило то, что лицо – лик поэта в Мариинской больнице, перед тем, как отправиться в последний путь – сияло и светилось, голова излучала идеи, уста словно пытались продлить диалог… Возможно, всё это показалось в силу великолепного обаяния поэта

при жизни, которое не мог стереть даже поступающий тлен. Такова сила человека, родившегося поэтом и развившим в себе этот счастливый и горький дар наперекор ударам судьбы, которая всегда отмечает избранника. О чём лирика Андрея Романова? О совпаденьях и утратах, о необоримом предчувствии возвращающей молодости, о Вечной Женственности, входящей в нашу жизнь и навсегда делающей нас другими.

Он – вестник, но иной, ещё не понятый нами, устремлённый к потомкам, для которых поэзия будет насущной необходимостью. Ибо Жизнь и Слово вечны – не застывшие в преходящих бронзе или мраморе, но в самом веянии Духа. Это завещал Андрей Романов:

Так не ждите нас в мемориале,
Нас, ушедших в космос, в мир иной…

* * *

Выйди! – Ни признаний я не стою,
Ни гранитной статуи твоей,
Ни страны, где звёздною листвою
Укрывает павших соловей,

Где с ума не сходит кум продажный,
Где, рискнув столетья обмануть,
Мы с тобою встретились однажды,
Чтоб освоить параллельный путь.

В тупике дворовой подворотни,
Не ступая в лужи майским днём,
Мы идём, и дней, пожалуй, сотни
Нам весна предскажет – быть вдвоём.

И понять не сможем столько лет мы:
То ли в школе пишем свой диктант,
То ли в ВУЗе, не доев котлет мы,
Просто забежали в деканат.

Танкодром прицелился в Опочку,
Кучерявый правнук ждёт наград.
И свою расхристанную дочку
Отсылает замуж в Ленинград,

Где над Мойкой – проблески салюта
Финансистам не дают уснуть,
Чтоб любая твёрдая валюта
Осознала свадебную суть.

* * *

Наши сновидения напрасны:
Мир иной растаял в полутьме,
Там, где мы к традициям пристрастны,
Молодость нашли на Колыме.

Посему, давай, в конце урока
Перестанем верить в звёздный миг,
Что свобода вышла к нам до срока,
Перед школьной записью в дневник.

Мы с тобой в четвёртом поколенье
Обретём космический простор
И, отбросив страхи и сомненья,
О любви продолжим разговор.

Ставь домашний адрес на конверте,
От земных оков заголосив,
Потому что Бог нам дал бессмертье,
Даже о согласье не спросив.

Воспитавши и детей, и внуков,
И внезапно счастье обретя,
Мы вернёмся на гранитный Крюков
Полтора столетия спустя.

Где, не веря в счастье, я ликую,
Выпускной листая карнавал.
И тебя, как в юности, целую,
Сбросив «два» по алгебре в журнал.

* * *

Казалась мне Фонтанка – беззащитной,
В гранитном русле безлошадных дрязг,
Пока до траектории орбитной
Земных трамваев доносился лязг.

Но в двадцать первом судорожном веке,
Когда снесли трамвайные пути,
Когда торгуют в Питере абреки,
Нам в космос предназначено уйти.

Тревожный ужас коммунальных кухонь
Не смоет жир с промасленных кастрюль,
И небеса, тревожно петь над ухом
Не устают, предчувствуя июль.

И звездолёт, сорвавшись с небосвода,
Грозит присесть на краешек скамьи,
Где мы с тобой, в присутствии ОСВОДа,
Сквозь Летний сад не думаем пройти.

Прижмись ко мне, и дай свою ладонь мне, –
Я поцелую ветреную плоть…
И пусть в Обводном лиственница тонет,
Нам лучший мир теперь не расколоть,

И пусть над нами усмехнётся некто,
Но в звёздный час, с пяти и до шести,
Ползёт трамвай с Литейного проспекта,
Надеясь до Зенита доползти.

* * *

Как мне сменить булыжник на асфальт?
Вернуться вновь в разгорячённый праздник,
Где первомайский немец кличет: «Хальт!»
А дядька Черчилль – вслед ему: «Проказник!»

«Казнить, нельзя помиловать!» – контекст
Любого ностальгического действа.
Двадцатый век сменил, в один присест,
Булыжный рок на радость ротозейства.

Блокадный полдень мыслимо ль понять?
Когда сожравши крыс, мышей и кошек,
Святую тёщу слопал хлипкий зять,
На коммунальной кухне укокошив.

Когда вослед классической пальбе,
Не дали нам овеществить Европу
И в пять минут, на верстовом столбе
Сожгли звезду, что им несла мороку.

Двадцатый век трагически исчез,
И возвратился трёхрублёвый дьявол,
Он, собираясь в близлежащий лес,
В тетради школьной гадость накарябал.

Абракадабра солнечной тропы
Сквозным двором выходит на Фонтанку,
Где мы с тобой давно живём на ты,
Плюя в лицо классическому танку.